

«МЫЗА БУЛГАРИНА» Ф.В.Б.: К ВОПРОСУ О СВОЙСТВАХ ПАРАЛИТЕРАТУРЫ*

А.Е. Козлов

Ключевые слова: сетевая литература, паралитература, русско-эстонские связи, Булгарин, репутация писателя.

Keywords: network literature, paraliterature, Russian-Estonian relations, Bulgarin, writer's reputation.

DOI 10.14258/filichel(2023)1-10

Современная сетевая литература традиционно рассматривается как паракультурное явление, нижняя ступень массовой литературы, отменяющая традиционные отношения между писателем, редактором, издателем и читателем. Представляя собой «однородную, компактную массу текстов» [Лотман, 1997], сетевая литература, как правило, не отличается критериями качества, точнее, не становится объектом описания критики и литературоведения, представляя в этом отношении внеэстетическим продуктом без свойств. Отдельный вопрос составляет наличие эмпирического читателя, присутствующего в этой коммуникации с текстом номинально и условно. Идеальная модель существования паралитературы, таким образом, сводится к генеративной нейросети, порождающей неограниченное количество семантических и синтаксических структур, отражающих и искажающих лингвистический и культурологический опыт человечества [Неклюдов, 2001; Лейбов, Орехов, 2022]. Поэтому закономерно, что сетевая литература рассматривается как массив данных, что предполагает квантитативные [Бонч-Осмоловская, Орехов, 2013], а не качественные наблюдения.

Полностью разделяя принципы этого подхода и считая их наиболее адекватными выбранному объекту данных, мы в то же время полагаем возможным обратиться к «медленному», близкому чтению отдельно взятого произведения, в частности, небольшой анонимной поэмы «Мыза Булгарина», опубликованной в системах Ridero и Amazon 2 февраля 2022 года под лаконичным криптонимом Ф.В.Б., отсылающим к инициалам одного из главных антигероев русской литературы — Фаддею Венедик-

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта Президента РФ МК-302.2022.2 «Видимый миру смех»: издательские практики, сюжетные механизмы и жанровые модификации в иллюстрированных еженедельниках XIX века».

* The research was supported by a grant МК-302.2022.2.

товичу Булгарину. Этот контекст, ассоциированный с русско-эстонскими связями, с одной стороны, и историей русской литературы, с другой, представляется нам наиболее значимым для комментария. Так, в частности, в произведении отражается история Дерпта-Тарту, воспринимаемая не только через вершинные события и имена, как это сделано в прологе¹:

*Смолк
Канонады печальный дымок
Семиотиков первых восторг
И открытие новых бактерий
И закупорка старых артерий
И поющею цепью — итог
И для нас многогрешных исток²,*

но и рядовые, на первый взгляд, проходные эпизоды этой истории. Неслучайно поэтому центральное место произведения составляет своеобразный путеводитель, исключаяющий все достопримечательности, кроме одной — вынесенной в заглавие произведения.

Название поэмы заключает в себе орфоэпическую ошибку: слово «мыза», обозначающее усадьбу (эст. *mõis*, фин. *moisio*, латыш. *muiža*), имеет ударение на первый слог. Смещение ударения может быть интерпретировано семиотически [Меднис, 2011]: оно формирует омофонию местоимения «мы» с предлогом «за». Основные значения предлога — субстантивное и заместительное; таким образом, название прочитывается как «Мы за Булгарина», т.е. **вместо него**, или же **в поддержку его**. Пролог и эпилог поэмы открываются эпиграфами, ведущими читателя по ложному следу: «*Ни гаеров, ни слуг*» — подпись «*Народная*», «*Молчите, проклятые*» — подпись «*Интеллигентское*». Разумеется, первый эпиграф взят из стихотворения Н.А. Некрасова «Родина», второй — из стихотворения А. Блока «Друзьям» (заключительная строка «*Молчите, проклятые книги*» отсылает к стихотворению А. Майкова («Молчите, проклятые струны»)). Обе подписи имеют не культурологическое, а социологическое значение: важно не имя, а возникающий разлом между интеллигенцией и народом (описанный Блоком в его программной статье «Интеллигенция и революция»).

Металитературность является неотъемлемой частью многих произведений сетевого гипертекста, и анализируемое произведение также характеризуется этим свойством. При этом, обращаясь к искаженным ци-

¹ Здесь и далее текст цитируется по изданию: Ф.В.Б. Мыза Булгарина. URL: <https://www.amazon.com.au/dp/B09RPHZW9R/ref=olp-opf-redir?aod=1>.

² Текст воспроизводится в соответствии с авторской орфографией и пунктуацией.

татам, аллюзиям и реминисценциям из текстов современников Булгарина: Н.В. Гоголя («каждый стул мне кричит: „Собакевич“»; «Вот, казалось бы, тема так тема: Рим, Калуга — Россию б узнать») и П. Мериме («И к проходим липкой цыгнакою Меримесит и пристаёт»; «Безе лепит и отстаёт»), автор произведения избегает наиболее очевидного — отсылок к пушкинскому творчеству. Практически до конца произведения пушкинский текст и пушкинский миф составляют фигуру умолчания: ни эпиграммы (за исключением — «Битый флигель. Как Вигель пробитый»¹), ни фрагменты литературной полемики, ни названия произведений (кроме «Дубровского»²) не становятся конструктивным материалом для поэмы.

Вместо этого наряду с упоминаниями И.С. Тургенева, И.А. Гончарова и Ф.М. Достоевского автор текста обращается к именам, принадлежащим синхронии: И.С. Баркова, Д.И. Хвостова, О.И. Сенковского, Н.А. Очкина, Е.Я. Колбасина, Г.А. Кушелева-Безбородко, но не релевантным для диахронии и истории литературы [Киселева, 2019].

*Как шинель идиота Акакия
И как Амплия перевод
Как Сенковского бюрократия
Кушелева как аристократия
Год поет хоровод.*

Создаваемые реестры литературных Бавиев и Мевиев³ обесмысливают значение отдельно взятого имени; сам текст превращается в бюрократический перечень, «список кораблей», напоминающий хаотическое листание биобиблиографического словаря. Определяющие принципы произведения — отмена иерархии и смешение синхронии и диахронии — соответствуют постмодернистской идее разрушения канона и движения человечества к вавилонской башне.

¹ Намек на гомосексуальность Ф.Ф. Вигеля, чье «мужеложество» не только не было тайной, но и обсуждалось в письмах и стихах (например, в дружеском послании «Проклятый город Кишинев...» А.С. Пушкина).

² Напомним, что, по мнению Анны Ахматовой, «Дубровский» — неудача Пушкина. И слава Богу, что он его не закончил. Это было желание заработать много-много денег, чтобы о них больше не думать. <...>«Дуб<ровский>», оконч<енный>, по тому времени был бы великолепное «чтиво» (14 февр. 1966 г.), (Записные книжки Анны Ахматовой. 1996. С. 710). Таким образом, выбор именно этого пушкинского произведения, скорее, сближает героя и антигероя, Дубровского и Выжигина, Пушкина и Булгарина.

³ Как замечает И. Виноцкий, «История литературы убедительно свидетельствует о том, что бавиями и мевиями не рождаются. Их выбирают или назначают более удачливые современные поэты и критики из числа литературных неудачников» [Виноцкий, 2017, с. 20].

*Все умерли они давным-давно.
Давно Senilia дописал Тургенев,
И мне уже, признаюсь все равно,
Кто был талант, а кто — post mortem — гений.*

Среди подобных имен особое место занимает Фаддей Венедиктович Булгарин. Долгое время бывший редактором «Северной пчелы», тайный осведомитель III отделения, он пережил многих своих недругов и приятелей, скончавшись в 1859 г. в чине действительного статского советника [Шор, 2014]. При этом, несмотря на ожесточенную критику, произведения Булгарина пользовались большим спросом со стороны читателей, было распространено мнение, что именно литературными и политическими ходами он скопил денег, позволивших ему приобрести имение Карлово¹ [Акимова 2002; Рейтблат, 2001]. После смерти Булгарина его произведения постепенно теряют популярность, а в советской читательской культуре с ее пушкиноцентризмом он становится персоной non grata.

Как замечает Т. Шор, «В русских литературных кругах топоним Карлово (Дерптского уезда Лифляндии) появился в конце 1820-х гг. и долгое время оставался в центре внимания историков журналистики и литературы как символ противоречивой фигуры Фаддея Венедиктовича Булгарина, который был владельцем и “певцом” этого имения». В силу своей репутации и политических взглядов Булгарин, конечно, не мог стать genius loci, поэтому его персональная история отбрасывала своеобразную тень на местность².

Возвращенный читателям после распада Советского Союза, Булгарин известен специалистам как один из зачинателей альтернативной, коммерческой линии русской литературы [Пенская, 2000]. В то же время ни одно произведение Булгарина не вызвало такого интереса современного читателя, как его воспоминания, в которых оказался заключен не только мощный ресурс самооправдания, но и самоконструирования, осуществленного по лекалам его авантюрных и плутовских романов. В конце 1990-х гг. свет увидел том многочисленных верноподданнических донесений Булгарина, а летом 2021 г. вышло комментированное издание его «Воспоминаний», что, вероятно, и стало триггером для появления «Мызы Булгарина».

¹ «В публике утвердились толки, будто я литературными моими трудами нажил богатство. Хотя это было бы честное приобретение, но, по несчастью, слухи эти несправедливы. Литературными трудами у нас только можно, при большом счастье, прожить безбедно, но не обогатиться. Именье в Лифляндии купил я, продав родовые мои вотчины в Могилевской и Гродненской губерниях» (Ф.В. Булгарин. Воспоминания. Мемуарные очерки. 2021. С. 15).

² Подлинным genius loci Тарту в XX в. стал, безусловно, Ю.М. Лотман.

*Из твоих остроумных томов
Тяжесть большую том имеет,
Где своих сокровенных врагов
Ты клянешь, раскаляясь и тлея.*

*Где рисуешь ничтожными их
И на деле уничтожаясь,
Как поломанный грязный стих,
В распаленные строфы влагаясь...*

Композиция поэмы, как отмечалось выше, подчиняется общей логике путеводителя: в «Прологе» описан Дерпт, прошедший путь от Юрьева до Тарту — мекки русских и эстонских семиотиков и славистов. В последующих частях развернут архитектурный экфразис — дано панорамное описание мызы, далее представлены внутренние комнаты, и наконец, отдельные, часто скрытые от глаз посетителя пространства. Такое построение имеет ряд конструктивных ограничений. С одной стороны, мыза Булгарина в Карлово не является музеем, основное здание уже достаточно долгое время находится в частной собственности. Соответственно, оно закрыто для глаз посетителей; при этом капитальный ремонт строения не осуществлялся с конца XX в. С другой — мыза не особо примечательна в архитектурном отношении, уступая замкам А.Х. Бенкендорфа и других вельмож времени Николая I. Так, посредственное качество архитектуры коррелирует со спорными достоинствами литературных текстов Булгарина и его неоднозначной персоналии.

Знаменательно поэтому, что наибольшая интериоризация достигнута во второй части, заключающей в себе портретное описание Булгарина. В третьей, заключительной, части описан нужник¹, семиотически замещающий стол с черновиками и рукописями.

*Сколько здесь перемарано, боже?
Грандиозный воздвиг палимпсест
Недалекий, но страстный вельможа,
Устилая свой жалкий насест.*

¹Заметим, что упоминание «нужника» включает в себе антипрофетический миф о встрече Державина и Дельвига. В то же время здесь уместно вспомнить письмо А.С. Пушкина П.А. Вяземскому: «Мы знаем Байрона довольно. Видели его на троне славы, видели в мучениях великой души, видели в гробе посреди воскресающей Греции. — Охота тебе видеть его на судне» (Александр Пушкин. Письмо Вяземскому П.А. 1937. С. 234).

Раблезианские коннотации, позволяющие отождествить творческий акт и опорожнение желудка, создают эффект перевернутого мира, в котором материально-телесный низ занимает центральное место [Бахтин, 1990]. Закономерным следствием такой мены становится деконструкция двух ключевых мифологем мировой литературы: ее профетического пафоса и идеи литературного бессмертия.

Одновременно в конце произведения голос Булгарина и голос лирического героя начинают звучать в унисон.

*Мой век сгорел, читатель мой погиб.
И я потерян в лабиринтах книжных,
Как плесневый и ненавистный гриб,
Сожравший полотно Куинджи.*

*Но где такой найдется Левитан,
Что мне б сказал: «Восстань, Лазарь, и внемли»
И виждь, и голоса, и не приемли —
Куда ни глянь. Один Левиафан.*

Мыза в этом отношении становится ни чем иным, как эквивалентом реального капитала, скрепляющего в одном пространстве Булгарина, Сенковского и Кушелева-Безбородко и противопоставленного символическому капиталу творческого, поэтического бессмертия (см. табл.).

Нормативная система «У одних от Дубровских до Мастеров Хоть игрушечно, а привлекательно»	Деконструкция «А других посылают матерно В изъяснительном и сослагательном»
Памятник (творческий акт)	Нужник (дефекация)
Пророк	Доносчик
Символический капитал	Реальный капитал
Великое	Левиафан

Вполне возможно, что в выявленных нами текстуальных структурах заключены не только культурологические, но и политические смыслы. В самом тексте есть ряд таких наводящих подсказок: оппозиция народного и интеллигентского, упоминание крепостного права и народных страданий (восходящее к лирике А.В. Кольцова и Н.А. Некрасова), образ грозного Левиафана, исключаящего свободное высказывание и выражение поэта (имеющий отношение к метафоре Т. Гоббса, Г. Мелвилла и А. Звягинцева), наконец, криптоним ФВБ. Лейтмо-

тивом на этом уровне становится расхожая идея о горе и злосчастии русского народа, обреченного на роль жертвы, и несостоятельности — в том числе телесной — власти. Однако укорененность этих смыслов в современности делает задачу комментария избыточной. Значительно большим потенциалом отличаются интертекст и его валентности: экскурсия по «нелитературному» Карлово оборачивается анализом социального измерения литературы, в котором «гении» и «посредственности», «подлецы» и «герои» становятся современниками, оживающими при упоминании их имен. Иными словами, Мыза перестает быть географическим или культурным локусом, становясь «своего рода „кунсткамерой“, где Александр Великий или Эпиктет могут стоять рядом с любым Тиллибором или Тимоном» [Аверинцев, 1973, с. 308], т.е. Пушкин, Гоголь и Достоевский соседствуют с Булгариным, Сенковским и Колбасиным.

Возвращаясь к свойствам паралитературы, отметим, что анализируемый текст в разъятом, разобранном виде демонстрирует систему оппозиций, организующих культуру. По справедливому замечанию А. Бонч-Осмоловской и Б.В. Орехова, «Наивные авторы не слепо транслируют усвоенные из классической традиции модели, а производят нелинейный отбор лексических средств, осложненный современным речевым узусом, проводящим активную экспансию в область поэтического» [Бонч-Осмоловская, Орехов, 2013]. В то время как в произведениях большей эстетической значимости эти модели, как правило, оказываются зашифрованными и завуалированными, в текстах сетевых авторов они просматриваются невооруженным глазом. Здесь можно было бы провести неточную параллель между литературным процессом XIX–XX вв.: как правило, газета и еженедельник транслировали смыслы серьезных «толстых» журналов и книг, делая их общедоступными. Такой «перевод» поэзии и уникальной поэтики Т. Кибирова, Д. Пригова и Д. Быкова на basic язык современной наивной любительской поэзии мы и можем наблюдать, анализируя текст «Мызы Булгарина».

Библиографический список

Аверинцев С. Плутарх и античная биография. К вопросу о месте классика жанра в истории жанра. М., 1973.

Акимова Н.Н. Ф.В. Булгарин: литературная репутация и культурный миф. Хабаровск, 2002.

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990.

Бонч-Осмоловская А., Орехов Б.В. Некоторые применения корпусных методов к наивной поэзии // Статьи на случай: сборник в честь 50-летия Р. Г. Лейбова. Тарту, 2013. URL: https://www.ruthenia.ru/leibov_50/article_b-osm_orehov.html

Виницкий И. Граф Сардинский. Дмитрий Хвостов и русская культура. М., 2017.

Неклюдов С.Ю. «Наивная литература»: исследования и тексты. М., 2001.

Киселева Л.Н. Проблема включения второстепенных писателей в литературный канон (на примере А.А. Шаховского) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2019. № 1.

Лейбов Р., Орехов Б.В. Между политикой и поэтикой: топика Крыма в современной русскоязычной наивной лирике // Шаги. 2022. № 1.

Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб., 1997.

Меднис Н.Е. Семиотика ошибки в «городских» текстах русской литературы // Критика и семиотика. 2003. № 6.

Пенская Е.Н. Проблемы альтернативных путей в русской литературе: поэтика абсурда в творчестве А.К. Толстого, М.Е. Салтыкова-Щедрина и А.В. Сухова-Кобылина. М., 2000.

Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М., 2001.

Шор Т. «Нелитературное» Карлово и его обитатели // Новое литературное обозрение. 2014. № 5.

Список источников

Булгарин Ф.В. Воспоминания. Мемуарные очерки : В 2 т. М., 2021.

Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). Москва ; Torino, 1996.

Пушкин А.С. Письмо Вяземскому П.А., вторая половина ноября 1825 г. Михайловское // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937–1959.

Ф.В.Б. Мыза Булгарина. URL: https://www.amazon.com.au/dp/B09RPHZW9R/ref=olp-opf-redirect?pf_rd_p=1 /

References

Averintsev S. *Plutarkh i antichnaya biografiya. K voprosu o meste klassika zhanra v istorii zhanra*. [Plutarch and ancient biography. On the question of the place of the classic of the genre in the history of the genre]. Moscow, 1973.

Akimova N.N. *F.V. Bulgarin: literaturnaya reputatsiya i kul'turnyy mif*. [F.V. Bulgarin: literary reputation and cultural myth]. Khabarovsk, 2002.

Bakhtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura sredne-vekov'ya i Renessansa*. [Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance.]. Moscow, 1990.

Bonch-Osmolovskaya A., Orekhov B.V. *Nekotoryye primeneniya korpusnykh metodov k naivnoy poezii*. [Some Applications of Corpus Methods to Naive Poetry]. In: *Stat' i na sluchay: sbornik v chest' 50-letiya R. G. Leybova*. [Become and in case: a collection in honor of the 50th anniversary of R. G. Leibov]. Tartu, 2013. URL: https://www.ruthenia.ru/leibov_50/article_b-osm_orexov.html

Vinitsky I. *Graf Sardinskiy. Dmitriy Khvostov i russkaya kul'tura*. [Count of Sardinia. Dmitry Khvostov and Russian culture]. Moscow, 2017.

Neklyudov S.Yu. «*Naivnaya literatura*»: *issledovaniya i teksty*. [“Naive literature”: studies and texts]. Comp. S. Yu. Neklyudov. Moscow, 2001.

Kiseleva L.N. *Problema vklyucheniya vtorostepennykh pisateley v literaturnyy kanon (na primere A. A. Shakhovskogo)*. [The problem of including secondary writers in the literary canon (on the example of A. A. Shakhovsky)]. In: *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk*. [Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk]. Literature and Language Series. 2019. No. 1.

Leybov R., Orekhov B.V. *Mezhdru politikoy i poetikoy: topika Kryma v sovremennoy russkoyazychnoy naivnoy lirike*. [Between politics and poetics: topic of Crimea in modern Russian-language naive lyrics]. In: *Shagi*. [Steps]. 2022. No. 1.

Lotman Yu.M. *O russkoy literature*. [About Russian literature]. St. Petersburg, 1997.

Mednis N.Ye. *Semiotika oshibki v «gorodskikh» tekstakh russkoy literatury*. [Semiotics of error in “urban” texts of Russian literature]. In: *Kritika i semiotika*. [Criticism and semiotics]. 2003. No. 6.

Penskaya Ye.N. *Problemy al'ternativnykh putey v russkoy literature: poetika absurda v tvorchestve A. K. Tolstogo, M. Ye. Saltykova-Shchedrina i A. V. Sukhovo-Kobylyna*. [Problems of alternative paths in Russian literature: the poetics of the absurd in the work of A. K. Tolstoy, M. E. Saltykov-Shchedrin and A. V. Sukhovo-Kobylin]. Moscow, 2000.

Reytblat A.I. *Kak Pushkin vyshel v genii. Istoriko-sotsiologicheskiye ocherki o knizhnoy kul'ture Pushkinskoy epokhi*. [How Pushkin became a genius. Historical and sociological essays on the book culture of the Pushkin era]. Moscow, 2001.

Shor T. “*Neliteraturnoye*” *Karlovo i yego obitateli*. [“Non-literary” Karlovo and its inhabitants]. In: *Novoye literaturnoye obozreniye*. [New Literary Review]. 2014. No. 5.

List of sources

Bulgarin F.V. *Vospominaniya. Memuarnyye ocherki*. [Memories. Memoir essays]. In 2 vols. Moscow, 2021.

Zapisnyye knizhki Anny Akhmatovoy (1958-1966). [Notebooks of Anna Akhmatova (1958–1966)]. Moskva-Torino, 1996.

Pushkin A.S. *Pis'mo Vyazemskomu P.A., vtoraya polovina noyabrya 1825 g. Mikhaylovskoye*. In: *Pushkin A.S. Polnoye sobraniye sochineniy*. [Complete Works]. In 16 vols. Moscow, Leningrad, 1937-1959.

F.V.B. Myza Bulgarina. [Bulgarin Manor]. URL: <https://www.amazon.com.au/dp/B09RPHZW9R/ref=olp-opf-redir?aod=1/Myza>.